

УДК 32.019.5

А. В. Андреев

НОВЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И НОВЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные социальные и политические проблемы, возникшие в различных странах на рубеже XXI столетия вследствие «информационной революции». Она в корне изменяет ситуацию в области политических коммуникаций. Система государственного управления изменяется в направлении фрагментации и децентрализации. Все это делает модель резонансного управления актуальной.

Ключевые слова: информационная революция, глобальное информационное общество, политический процесс, политические коммуникации, резонансное управление.

A. V. Andreev

NEW INFORMATION TECHNOLOGIES AND NEW MODELS OF POLITICAL GOVERNANCE

This article considers the actual social and political problems arising in various countries on the threshold of XXI century because of the «the Information Revolution». It radically changes a situation in the political communications field. But the state governance system is deeply changing in direction of fragmentation and decentralization. It makes the Resonant Governance model actual and adequate.

Keywords: the Information Revolution, the Global Information Society, political process, political communications, the Resonant Governance.

«Информационная революция» как глобальный вызов и шанс

Понимание природы и характера происходящих сегодня в глобальном масштабе изменений – ключевой элемент понимания современного мира. Данные изменения сегодня преимущественно протекают в рамках процессов глобализации и модернизации, хотя и другие силы и факторы – такие, как политика, война и революции – также могут вызывать масштабные социальные изменения. Одним из ключевых факторов современных изменений является так называемая «информационная революция», радикально изменяющая не только сферу информационных технологий и коммуникаций, но и сферу политики, власти и управления.

Однако масштабная экспансия новых информационных технологий на рубеже XX–XXI веков качественно изменила ситуацию, сделав актуальным осмысление политических последствий «информационной революции». Быстрое распространение локальных и глобальных коммуникационных сетей создает принципиально новое качество информационного обмена, в том числе и международного, а также создает принципиально новые средства воздействия на общественное мнение. Формирование в этих условиях публичного пространства Online бросает вызов традиционным масс-медиа и спо-

собствует активному вовлечению рядовых пользователей Интернета в политико-коммуникационный процесс, подтверждая тем самым тезис Ю. Хабермаса о сетевом публичном пространстве как о «сфере политического» [6, с. 225].

В итоге информация и знания становятся одним из стратегических ресурсов государства, масштабы использования которого практически сопоставимы с использованием традиционных ресурсов. Доступ к информационным базам становится одним из факторов социально-экономического развития государств. В свою очередь, формирование системы сетевых связей между относительно автономными системами (самоорганизации и управления) ослабляет возможность современных государств адекватно реагировать на всю совокупность современных вызовов. В этой связи встает вопрос о поиске новых типов политического порядка, новых форм власти и господства, а также новых технологий властвования и управления, позволяющих успешно решать проблемы общественного развития.

Большое значение для политической науки сегодня имеет поиск теоретической модели или концепции, способной отразить заметно усложнившееся устройство глобального мира. Одними из наиболее известных в этом отношении являются модель «мягкой

власти» (**soft power**), автором которой является Дж. Най [9; 10], а также «теория турбулентности» Дж. Розенау [13].

Дж. Най и его коллеги рассматривают «информационную революцию» как ключевой фактор современных политических трансформаций, а знание – как особую разновидность власти и инструмент глобального влияния: «Знание, более чем когда-либо ранее, представляет собой власть. Та страна, которая успешнее других осуществит информационную революцию, становится сильнее всех остальных» [10, с. 20].

Наряду с этим, новые информационные технологии способны существенно трансформировать современные властные практики, выступая как «ускоритель экономического и политического развития», способствуя утверждению жестких форм власти – например, с помощью новых военных технологий и средств ведения войны. С другой стороны, информация может рассматриваться как базис для возникновения так называемой «мягкой власти» которая может быть описана как «способность достичь желаемых результатов в политике скорее через привлечение, нежели через принуждение. Данная модель работает, убеждает других следовать за собой, побуждая их принять нормы и институты, которые формируют желательное поведение» [10, с. 21].

В то же время, не все государства воспользовались в равной степени этими изменениями, и воздействие «информационной революции» на распределение влияния между государствами на международной арене порождает комплексные и неоднозначные эффекты [7].

Во-первых, государства, имеющие более сильную экономику, имеют более высокие шансы использовать новые информационные технологии в собственных интересах.

Во-вторых, многим из государств стало намного легче и дешевле выполнять передачу информации через многообразные технические каналы, осуществляя таким образом политическое давление, расширяя и укрепляя свою власть и влияние.

В-третьих, «информационная революция» приводит к умножению и изменению источников власти, к утверждению ее структурного многообразия. В конечном итоге, новые формы власти и новые способы ее использования ведут не к перераспределению власти в мировом масштабе, и не к «выравниванию» существующих иерархий, но к усилению «малых центров власти» [7, с. 9–16].

В свою очередь, Розенау и Джонсон также предлагают собственное видение результатов и последствий «информационной революции» для всей системы политических отношений [13, с. 58].

По их мнению, ситуация «турбулентности», предполагающая кризис и глубокую трансформацию «традиционных» властных форм и структур, затрагивает сегодня все три основных уровня политического: глобальный, национальный, индивидуальный.

Так, на уровне международной политики одним из следствий «информационной революции» стало обострение проблемы ответственности между устоявшимся нормативно-правовыми определениями демократии и сформированным на базе современных «теорий массовой коммуникации» пониманием природы власти на основе «глобальных сетей влияния», допускающим, в том числе, и недемократические формы господства.

У государств, с одной стороны, возникают новые возможности в сфере политики безопасности, связанные с усилением инструментов надзора за гражданами, развитием технологий «информационной войны», а также с увеличением потенциала информационно-пропагандистского влияния

на другие государства. С другой стороны, новые информационные технологии активно способствуют формированию так называемого «мультицентричного мира», следствием чего является активизация и заметное увеличение численности так называемых «неправительственных акторов», действующих в таких сферах деятельности, как защита прав человека и защита окружающей среды.

В свою очередь, на «микроуровне» информационная революция означает резкое повышение коммуникационных возможностей для отдельных индивидов. Информационные и коммуникационные технологии формируют не только новые возможности в деле накопления отдельными людьми знаний о мире, но формирование многообразных сетевых связей между индивидами на глобальном уровне.

Новые информационные технологии ставят под сомнение традиционные иерархические взаимоотношения между государством и гражданином. Они стимулируют развитие информационных сетей, а формирующиеся сетевые структуры, в свою очередь, подрывают влияние централизованных (top-down) иерархий. Благодаря Интернету граждане получают возможность вступать в различные виды коллективного взаимодействия для противодействия влиянию иерархических структур.

Таким образом, среди наиболее значимых результатов «революции» в сфере информационных технологий и средств массовой коммуникации Розенау и Джонсон соответственно выделяют: на макроуровне (мировая политика) – ослабление национальных государств, имеющее своим следствием формирование так называемого «мультицентричного мира», на микроуровне (отдельные граждане и их объединения) – повышение возможностей налаживания межличностной коммуникации и выстраивания «сете-

вых связей», и на условно объединяющем их «микромасштабном уровне» (взаимоотношения граждан и государственных институтов) – заметное увеличение возможностей граждан посредством «коллективных интеракций» существенно ослабить влияние традиционных структур господства, поставив под сомнение их легитимность.

В то же время, концепция Дж. Ная, как и «теория турбулентности» Дж. Розенау не содержат в себе ответа на принципиальный вопрос о том, какие модели политического порядка, связанные с ними формы власти и модели государственного управления соответствуют новой политической реальности, формирующейся сегодня вследствие эффектов «информационной революции». Следует отметить, что «информационная революция» лишь обострила дискуссию о возможных путях и способах преодоления противоречий между эффективностью и легитимностью в системе государственного и политического управления. Одним из следствий этой дискуссии стало признание актуализирующихся противоречий между принципом технической рациональности, положенным в основу деятельности новых средств массовой коммуникации с одной стороны, и принципом демократической легитимности – с другой. Преодоление этого противоречия сегодня возможно двумя основными путями: посредством последовательной «технологизации» политики усилиями государства с заметным ослаблением автономии публичной сферы, что неизбежно ведет к торжеству манипулятивных технологий в отношении граждан, либо посредством последовательного расширения автономии публичного пространства Online, что неизбежно ведет к размыванию традиционных форм господства, контроля и авторитета, и представляет собой радикальный вызов современному государственному порядку. Обе обозначенные

альтернативы получили наиболее глубокое рассмотрение в творчестве некоторых представителей французской школы политической философии, анализу взглядов которых уделяет особое внимание автор.

«Технологическая» и «политическая» модели власти

Противопоставление «технологической» и «политической» моделей организации властных отношений составляет значимый элемент французской традиции политической философии. Обе модели задают определенные общие векторы для понимания современных тенденций развития систем государственного и политического управления.

Французский философ-классик М. Фуко, характеризуя современные тренды, в частности, полагал, что сегодня именно «государство служит политическим выражением централизованной и централизующей власти... Вопрос о постоянном вмешательстве государства в общественную жизнь, даже не принимающем форму закона, является отличительной чертой нашей современной политики» [4, с. 278]. Речь идет о технологизированном управлении рисками при сочетании государственного менеджмента со способностью власти мыслить и анализировать. М. Фуко склонялся к тому, что власть «принадлежит не столько к порядку столкновения двух противников... сколько к порядку управления», т. е. к «комплексу учреждений, процедур, исследований и анализов, расчетов и тактик, позволяющих претворять в жизнь очень специфическую форму власти, основной целью которой является население, основной формой знания – политическая экономика, а преимущественным техническим инструментом – аппараты безопасности» [3, с. 20]. Такая власть, согласно Фуко, постепенно «превращается в какую-то машину, у которой нет владельца» [4, с. 235].

Неустранимость власти определяется тем, что она базируется на двух механизмах – суверенитета и дисциплины. Характерно, что у Фуко государственный суверенитет определяется как «новая матрица рациональности» [3, с. 145]. В другом месте Фуко отмечает, что «все остальные типы отношений власти определенным образом соотносятся с государством... Отношения власти становятся все более правительственными, т. е. разработанными, рационализированными и централизованными в форме или под поручительство государственных институтов» [3, с. 187].

Философ Ж. Рансьер продолжает эту линию рассуждения, указывая на важнейшую структурную характеристику современных обществ – «управление без политики». Он называет это состояние «постдемократией», которая «редуцирует народ к сумме подсчитываемых без остатка частей населения, к группам по интересам и по мнениям, равновесие коих обеспечивается государством». «Постдемократия» «ограничивает демократию возможностью образования консенсуса», при которой «общество само по себе непротиворечиво, самодостаточно и идентично самому себе» [1, с. 128]. В результате «все больше доминирует дискурс управления, менеджмента... Все становится управляемым: семья, финансы, свободное время», а политика «уходит в тень», как бы «стирается» [2, с. 56].

«Деполитизированная власть» стремится к максимально возможному сужению сферы политического. Близкое по смыслу понятие «постполитика», используемое исследователем Постмодерна С. Жижекком, предполагает замену политики суррогатом, лишенным сущности. Этот термин описывает ситуацию «политики без политики», дефицита собственного политического в виде конфликтов и борьбы [14].

При этом институциональные мутации содержат в себе еще один важный компонент – они неотделимы от виртуализации и симуляции. Предложенный Бодрийяром концепт «симулякра» в этом контексте выступает в качестве необходимого элемента «пост-политики». За распространением симулякра некоторые исследователи закономерно усматривают усиление возможностей манипулирования, когда с помощью технологической власти «устанавливается и поддерживается состояние господства» [3, с. 268].

По мнению Рансьера, необходимо вернуть политику в «пространство власти», сделать власть «снова политической». Таким образом, концепт «политической власти» представляет собой альтернативу технологической власти. Здесь уместно снова обратиться к наследию М. Фуко. Политика, по его убеждению, возникает не только по факту дебатов – она появляется тогда, когда речь заходит о пересмотре принципов формирования институтов и учреждении новых форм социального порядка. Подобный характер политики предполагает высокую долю неопределенности и риска, поскольку любая новизна включает в себя нечто, выходящее за пределы текущего опыта и институционального порядка.

В свою очередь, с точки зрения Ж. Рансьера, политика возникает, когда имеет место неопределенность с идентичностями и оспариваются доминирующие «субъектные позиции». Таким образом, политика предполагает протест, множественность и анархичность, она не обладает свойствами места, времени и «естественной субъектности» [11, с. 129]. Для нее характерна не преемственность, а конфликты, расколы и противоречия, открывающие дорогу политическим инновациям.

Поэтому, согласно Ж. Рансьеру, политика – это эмансипация, «контрвласть», вы-

зов доминирующей власти, которая склонна оставить «все как есть». Политические субъекты – это те, кто не удовлетворен статус-кво и кто стремится изменить существующие «правила игры». Политика, таким образом, предполагает создание новой реальности через сопротивление, несогласие и даже бунт, она означает конец формируемого государственным институтами политического порядка.

Подобное постмодернистское понимание природы политики соответствует описанным нами ранее реалиям, неразрывно связанным с протекающими сегодня процессами глобализации и «информационной революции». В то же время, описываемые французскими исследователями варианты не содержат разрешения дилеммы «технологическая эффективность и управляемость – расширение информационной и политической свободы». Поэтому, принимая во внимание предложенное ими видение перспективных форм власти, соответствующим реалиям «глобального информационного общества», автор попытается предложить собственную модель государственного и политического управления, предполагающую сохранение управляемости политическими процессами при сохранении автономии публичного пространства Online – модель резонансного управления.

Модель резонансного управления

Каким же образом государству следует формировать новый подход к управлению в эпоху информационной революции и глобальных информационных технологий? На взгляд автора, уникальность политических коммуникаций, опирающихся на современные технологии, состоит в их резонансности, основанной на принципе обратных связей, а также на принципиальной способности государственной политики выражать

различные социально-групповые интересы, артикулируемые с помощью публичной сферы. Эффективность публичной политики власти сегодня во многом зависит от способности управлять общественными резонансами и моделировать последние, обеспечивая необходимое информационное сопровождение властно-политических решений.

В этих условиях особое значение приобретает грамотное формирование и управление уже возникшими в публичном пространстве политическими резонансами. Политические решения, принимаемые государственной властью, неизбежно вызывают определенные резонансы в общественном мнении, создавая благоприятную либо неблагоприятную информационную среду для осуществления политики в той или иной сфере (социальная, экономическая, культурно-информационная). Формируя с помощью политических резонансов необходимую для себя повестку дня и благоприятное отношение населения к своей политике, власть закрепляет свое доминирование в публичной сфере и подтверждает свою способность управлять политическими процессами.

Политические резонансы создаются или преобразуются с помощью медиа-событий, формируемых самой властью или связанными с ними СМИ. Все вышеназванные стратегии в борьбе за публичное пространство могут использоваться и оппозицией. От того, кто точнее, оперативнее и гибче формирует резонансы зависит доминирование власти или оппозиции в публичном пространстве. Грамотное и своевременное инициирование и управление политическими резонансами позволяет, в свою очередь, управлять общественными настроениями и ожиданиями, публичной сферой, и – в конечном итоге – политической ситуацией в стране и в мире.

Исходя из этого, можно заключить, что ключевыми условиями эффективности фор-

мирования и управления политических резонансов соответственно являются:

1. Своевременность медиа-воздействий (в идеале лучше играть на опережение, моделируя желательное состояние общественного мнения).

2. Их комплексность, системность, способность отразить широкий круг волнующих людей проблем.

3. Их достоверность, адекватность складывающейся ситуации.

4. Их плотность и интенсивность, позволяющие поместить нужную информацию в центр общественного внимания и восприятия, вытеснив на периферию этого восприятия нежелательные мнения и установки.

5. Их когерентность (транслируемая информация и итоговая «картина событий» не должны быть внутренне противоречивыми).

6. Ясная формулировка позиции (мнения) власти, выдвижение позитивной и правдоподобной альтернативы существующим вызовам и проблемам.

Таким образом, по мнению автора, предлагаемая модель резонансного управления содержит ответ на современные социально-политические изменения, связанные с процессами глобализации, ослаблением централизованных государств, фрагментацией власти, а также с распространением информационных технологий и формированием глобальных информационных сетей. Ее внедрение и использование, как полагает автор, позволит государственной власти гибко реагировать на запросы общества и различных групп, реализовывать комплексные политические стратегии, своевременно нейтрализующие существующие вызовы и угрозы. Это, в свою очередь, позволит повысить общую эффективность государственной политики и управления в новых условиях – как на индивидуальном, так и на национальном и глобальном уровнях.

Литература

1. Демократия как политическая форма. Беседуют Ж. Рансьер, Ж.-Ф. Шеврье, С. Ваних // Политическая, философия, искусство. – М., осень 2002. – № 1. – С. 125–131.
2. Рансьер Ж. До и после 11 сентября: разрыв в символическом строе? // Мир в войне. – М.: Прагматика культуры, 2003. – С. 47–57.
3. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практика, 2006. – Ч. 3. – 311 с.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М.: Практика, 2006. – Ч. 2. – 318 с.
5. Фуко М. Нужно защищать общество. – СПб.: Наука, 2005. – 312 с.
6. Habermas U. Strukturwandel der Oeffentlichkeit. – Frankfurt am Main, 1990. – 380 s.
7. Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence in the Information Age // Foreign Affairs 77. – 1998. – № 2 (January / February). – P. 81–94.
8. Keohane R. O., Nye J. S. Die Informationrevolution. Staat und Macht im Zeitalter globaler Information // Internationale Politik. – 2000. – Nr. – S. 9–16.
9. Nye J. S. Bound to lead – The Changing Nature of American Power. – New York Basic Books, 1990. – 314 p.
10. Nye J., Owens W. A. America's Information Edge // Foreign Affairs 75. – 1996. – № 2 (March / April). – P. 20–36.
11. Ranciere J. The Politics of Aesthetics. – London&New York: Continuum, 2004. – 240 p.
12. Ranciere J. Hatred of Democracy. – London&New York: Verso, 2006. – 106 p.
13. Rosenau J. N., Johnson D. Informational Technologies and Turbulence in World Politics // Allison J. E. (Eds.). Technology, Development and Democracy. – Albany, SUNY Press, 2002. – P. 55–78.
14. Zizek S. The Universal Exception. Selected Writings. Vol. 2. – London&–New York: Continuum, 2006. – 196 p.